

И.С. Маташина

ДИСКУССИЯ О РАЗВИТИИ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА В ФИНЛЯНДИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена истории шведского языка в Финляндии в начале XX в. Важность этого вопроса обусловлена тесной связью языковой принадлежности финляндских шведов с их самоидентификацией. В связи с этим обсуждению подвергалось развитие языка и его нормирование, использование в общественной, культурной жизни, образовании. Важная часть этой дискуссии — судьба финляндизмов: в статье представлены позиции сторонников и противников ориентации на шведский язык в Швеции. Различные точки зрения рассматриваются на примере журнальных статей и творчества финляндских писателей начала XX в. Общим для них является мотив потерянной родины, описание важных изменений в положении финляндских шведов. Начало XX в. стало для них временем сомнений и размышлений о будущем, но при этом — периодом спада напряженности, которая была характерна для конца XIX в., когда финский язык активно утверждал свои официальные позиции.

Ключевые слова: шведский язык, языковой вопрос в Финляндии, история литературы Финляндии.

I.S. Matashina

DISCUSSION ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE SWEDISH LANGUAGE IN FINLAND AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article is devoted to the history of the Swedish language in Finland at the beginning of the 20th century. Importance of this issue is determined by the close connection of the language of Finnish Swedes with their self-identification. Consequently the development of the language, the setting of standards, usage in society, in cultural life, and education were discussed. An important part of this polemic is the fate of specific finland-swedish vocabulary: the article presents the positions of supporters and opponents of orientation toward Swedish in Sweden. Different points of view are examined on the example of journal articles and the work of Finnish writers of the early 20th century. Common to them is the motive of the lost homeland, a description of important changes in the situation of Finnish Swedes. The beginning of the 20th century was for them a time of doubt and reflection on the future, but at the same time — a period of decline in tensions, which was characteristic of the end of the XIX century, when the Finnish language actively asserted its official positions.

Keywords: Swedish, The language question in Finland, the history of Finnish literature.

В настоящее время в Финляндии два государственных языка: финский и шведский, однако сложившаяся ситуация имеет долгую историю. Финский язык до 1809 г. использовался лишь для создания духовных текстов и законов¹, тогда как образованная часть общества разговаривала по-шведски. В период пребывания Финляндии в составе Российской империи финский язык был более предпочтителен для властей с политической точки зрения, поскольку не подразумевал тесной связи со Швецией. В XIX в. произошел расцвет финского национального самосознания, и статус финского языка повысился.

После 1860 г. противоречие между финским и шведским языками стало особенно острым. В 1863 г. Александр II подписал «Высочайшее постановление об уравнении в правах финского и шведского языков» (*шв.* “Språkreskript” / *фин.* “Kielireskripti”). По словам историка Вильо Расила, языковой вопрос «стал водоразделом, выявляющим политические воззрения тех или иных групп»². Противостояние финского и шведского языков нашло выражение в конфронтации финноманов и свекоманов.

Таким образом, к концу XIX в. совокупность экстралингвистических факторов привела к существенному ограничению сфер употребления шведского языка в Финляндии, за это время выросло новое поколение, которое застало подъем и расцвет финского языка, появление прекрасных образчиков литературы. Не последнюю роль в этом сыграли такие факторы, как поддержка шведоязычными гражданами страны финского языка на начальном этапе (смена имен и выбор финноязычных школ для детей), браки между представителями финского и шведского населения, публикация эпоса «Калевала», ставшего символом величия финского народа. Быстрая индустриализация Финляндии, как подтверждает исследование профессора М. Чиараволо, привела к тому, что в области, традиционно бывшие шведоязычными, начался приток финноязычного населения³.

К началу XX в. шведский язык в Финляндии подвергался двойному давлению, оказываемому как со стороны финского, так и со стороны русского языков. Иллюстрацию этих настроений можно найти в творчестве одного из видных писателей-реалистов Финляндии второй половины XIX в. — Карла Августа Тавастшерны. В его произведениях прослеживается мотив «потерянной родины», а один из романов и вовсе носит название «Патриот без родины» (1896), в нем главный герой вопрошает: «Где же моя страна, моя мать? Неужели только я сирота для всех стран или все страны одинаково родны мне?»⁴

С законодательной точки зрения в начале XX в. в языковой ситуации Финляндии произошли изменения. 20 апреля (3 мая) 1906 г. было опубликовано «Высочайшее постановление относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии», согласно которому шведский и финский языки в делопроизводстве получили равный статус. Проведенная в этом же году смена формы правления дала Финляндии возможность самостоятельно решать языковые вопросы (устаревший сословный сейм был заменен однопалатным парламентом Эдускунтой (*фин.* eduskunta).

Период рубежа веков стал временем активного обсуждения судьбы шведского языка в Финляндии. Одной из причин столь высокого напряжения в противостоянии фенноманов и свекоманов была связь между языковой принадлежностью финляндских шведов и их самоидентификацией. Еще в конце XIX в. финны обсуждали орфографическую реформу Швеции 1870-х годов (ее сторонники ратовали за фонетический принцип письма, облегчающий процесс обучения языку и правописания в принципе, а противники стремились к сохранению исторического облика слов)⁵. Накал страстей в Финляндии был гораздо слабее, поскольку во многом финляндские шведы опирались на авторитет своего соотечественника Акселя Улофа Фрейденталя (Axel Olof Freudenthal, 1836–1911), защищавшего позиции шведского языка. В частности, он писал в своей статье: «Да, говорят, что классический труд Рюдквиста⁶ “Правила шведского языка” еще не добрался через море! Об этом говорят не без оснований, но, однако, именно у нас Рунеберг, Топелиус, Сигнеус произвели на свет свои бесконечно прекрасные, вечные шедевры. Можно ли забросить их язык? Нет. Забыть? Нет»⁷.

В этих условиях дискуссия о будущем шведского языка в Финляндии происходила в разных кругах общества, языковой вопрос занимал умы как ученых-филологов, так и непрофессионалов, которым была небезразлична судьба шведской нации в границах Финляндии. Обсуждению подвергалось и развитие языка, и его нормирование, использование в общественной, культурной жизни, в образовании, а также связь языка с судьбой финляндских шведов.

Во-первых, вопрос касался собственно языковых явлений. Как филологи, так и иные представители общественности обсуждали вопрос о сохранении «чистоты» финского шведского, а также о необходимости сохранения связи со шведским, употребляющимся в Швеции. На этот счет существовали разные точки зрения, получившие название «скандинавизм», «пуризм», «национализм» и «функционализм». Об этих явлениях рассказывает в своей

работе «Финляндский шведский 1860–1920 гг.» исследовательница из Финляндии Йенника Тюлин-Клаус. По ее словам, разница между указанными понятиями состоит в том, что «с одной стороны, языку придается символическое значение, и он рассматривается как наследие или памятник, а с другой стороны, предстает средством коммуникации»⁸.

Шведский язык, по мнению сторонников пуризма, должен был очиститься от иноязычных заимствований, в том числе из других скандинавских языков. Финляндские шведы, следуя этой тенденции, начали кампанию по избавлению финляндского шведского от «провинциализмов». Например, в 1902 г. вышел труд уже упомянутого А.У. Фрейденаля «Различия между финляндским шведским и литературным шведским» (“Skiljaktigheter mellan finländska svenskan och rikssvenskan”). Особенность языкового пуризма в Финляндии состояла в том, что «для многих шведоязычных жителей Финляндии связь со Швецией играла важную роль для формирования собственной идентичности или самопознания. Эта связь иногда даже представлялась необходимой для продолжения существования шведской национальности в Финляндии. Именно эта проблематика наиболее четко отображается в дискуссии о провинциализмах»⁹. Таким образом, языковой пуризм и скандинавизм в Финляндии не были противопоставлены столь же сильно, как в других странах Северной Европы. Ученый Карл Линдстрём (Karl Lindström, 1859–1892), который одним из первых пробудил своими статьями интерес к финляндскому шведскому и отметил его своеобразие, а также писатель Рольф Нурденстренг (Rolf Nordenstreng, 1878–1964) видели в финляндизмах большой языковой потенциал и ратовали за их частичное сохранение. Р. Нурденстренг, в частности, писал в своем исследовании: «Действительно, есть случаи, когда мы, жители Финляндии, используем только лишь особенное выражение и не хотим заменять его на литературный вариант. Таким образом, финляндизмы можно поделить на уникальные и вариантные»¹⁰.

Безусловную пользу языкового пуризма видел журналист Рейнольд Феликс фон Виллебранд (Reinhold Felix von Willebrand, 1858–1935), который настаивал на сохранении единства языка, приближении финляндского шведского к литературному варианту, чтобы избежать ситуации, в которой в Швеции финляндских шведов перестанут понимать:

Vijla nu vi, som ha svenskan som Если мы, для кого шведский язык —
modersmål, tillförsäkra vårt andliga lif родной, хотим сохранить нашу духов-
den kontinuet i utvecklingen som ную жизнь в будущем, определяемом

omständigheterna medgivfa, så böra vi söka åt oss själva och kommande släkten bevara förmågan att tala och skriva verklig svenska. Hvad som är verklig svenska, afgöres i detta tungomåls enspråkiga hufvudland. Låtom oss inte tvista om den saken. Hvad båtår det oss om vi, slående oss för vårt bröst, högljudt bedyra att ett och annat som vi oss emellan tala och skriva, men ingen människa i Sverige begriper, *är* svenska. I bästa fall inbringår det oss ett intyg af någon språkprofessor att så verkligen förhåller sig, och den stora svenska allmänheten, som inte består af vetenskapsmän, skall det måhända, om den vara höflig, svara: “Jaså, gubevärs, kanske det är svenska”¹¹.

обстоятельствами, то следует и нам, и будущим поколениям сохранить умение говорить на настоящем шведском языке. Что есть настоящий шведский — решается в стране, где этот язык — главный. Не будем же спорить об этом. Что в том пользы, если мы, ударяя себя в грудь, будем громогласно утверждать, будто нечто, используемое нами в речи и в письме, но чего не понимает никто в Швеции, *есть* шведский язык. В лучшем случае это подтвердит какой-нибудь профессор-языковед, и тогда, возможно, шведская общественность, которая не состоит из ученых, из вежливости скажет: «Так вот как, видимо, это шведский».

Большая часть противоречий в вопросе об ориентации финляндского шведского на язык Швеции была снята в 1917 г. после выхода в свет книги ученого Хьюго Бергрута (Hugo Bergroth, 1866–1937) «Финляндский шведский» (“Finlandssvenska”). В письменном языке Х. Бергрут допускал лишь незначительные отклонения от «нормы». По его мнению, судьба финляндских шведов как особенной группы граждан Финляндии тесно связана с близостью языка к «образцу» из Швеции. Поэтому ученый подчеркивал необходимость приближения шведского в стране к «высокому шведскому», хотя он старался избегать крайностей и оставлял возможность употребления некоторых финляндизмов:

Att den svenska nationaliteten i Finland, trots sin numeriska underlägsenhet, och oaktat dess politiska maktställning uppgivits, ännu utgör en så betydande faktor i landets liv, beror väsentligen därpå, att den är svensk, att dess modersmål är ett språk som uppbär en gammal hög kultur. Kommer den dag, då vårt språk och vår odling icke längre

Несмотря на свое незавидное теперешнее положение, на ослабление политического влияния, шведская нация Финляндии еще имеет значение в стране в значительной степени благодаря тому, что ее родной язык — шведский — часть древней высокой культуры. Если наступит день, когда наш язык и нашу культуру

kunna kallas svenska, då är utan tvivel vårt öde beseglat, då betyda vi intet mer¹².

более нельзя будет назвать шведскими, то наша судьба, без сомнения, предрешена, более мы ничего не будем значить.

Позиция Бергрута обрела популярность, критиковали его немногие, но в их числе была, к примеру, Хагар Ульссон (Hagar Olsson, 1893–1978), которая в 1916 г. опубликовала статью в газете «Студентбладет» (“Studentbladet”) под названием «Глас вопиющего в пустыне» (“En ropandes göst i öknen”)¹³. Эту статью анализировала в своей монографии Й. Тюлин-Клаус. Исследовательница отмечает, что Х. Ульссон, подчеркивая отличия между Финляндией и Швецией, между финляндскими и шведскими шведами, убеждает читателя в необходимости поддержки и развития собственного языка со своими характерными чертами¹⁴.

Помимо собственно языковых споров дискуссия о шведском и финском языках касалась принципиальной позиции, которой следовало придерживаться в межкультурных отношениях шведского языка, — как способа устранения языкового конфликта. В этой дискуссии участвовали уже не только профессиональные филологи. Ее проявления можно отметить в разных сферах культурной жизни шведской Финляндии.

К примеру, различные точки зрения можно было встретить на страницах журналов. В то время одним из оплотов традиционных взглядов являлся журнал «Финск тидскрифт» (“Finsk Tidskrift”). Политика редакции была ориентирована на научный, академический подход к материалу. Литературовед Стефан Нюгорд даже называет журнал консервативным¹⁵. Как правило, в этом журнале статьи в решении языкового вопроса ориентировались на сохранение тесной культурной связи со Швецией. К примеру, именно в этом журнале вышли в свет такие статьи, как «Шведская академия и вопрос о правописании» (“Svenska Akademien och rättavningsfråga”, 1899) Карла Линдстрёма, «Еще несколько слов о заселении Финляндии шведами» (“Ännu några ord om svenskarnas inflyttning till Finland”, 1902) Ральфа Саксена, большая часть исследований уже упомянутого Р.Ф. фон Виллебранда.

В противовес этой позиции некоторые видные деятели культуры, видевшие будущее в выходе за пределы национализма, противостояния финского и шведского языков, объединились для издания нового журнала (среди них были литературовед Гуннар Кастрен, писатель Бертель Грипенберг, писатель, переводчик Эмиль Циллиакус, архитектор Сигурд Фросте-

рус, философ Рольф Лагерборг и др.). Журнал увидел свет в 1902 г. и получил название «Эвтерпа» (“Euterpe”). Авторы публикаций позиционировали себя как интеллектуалов вне академической среды и политики. В центре их внимания — общеевропейский культурный контекст, с которым они желают познакомить свою публику.

“Euterpe” varken vill eller kan konkurrera med äldre litterära tidskriftsföretag. Med en plats för de unga begåfningarna måste vinnas, — å måtte de åldras på denna plats, det är “Euterpes” utgifvares hjärtliga önskan!¹⁶

Att med litteraturens hjälp motverka nationell isolering och arbeta för en europeisering av det finska kulturlivet — “att i den tröga finska organismen ingjuta litet av detta europeiska elixir, som vi just i utlandet själva fått smaka på”, som det heter i Werner Söderhjelm’s skildring av de kosmopolitiska idealen på 1880-talet — var mottot för den här traditionen¹⁷.

«Эвтерпа» не хочет и не может конкурировать с более старыми литературными журналами. Но необходимо дать место молодым — и пусть они состарятся здесь же, это сердечное желание издателей «Эвтерпы»!

Преодолевать с помощью литературы национальную изоляцию, работать над европеизацией финской культурной жизни, словами Вернера Сёдерйельма об идеалах космополитизма в 1880-х — «вливать в вялый финский организм немного того европейского эликсира, что мы сами смогли вкусить лишь за границей», было девизом этой традиции.

Члены редакции «Эвтерпы» предлагали преодолевать затруднительное для финляндских шведов положение через осознание своей связи с иностранными интеллектуальными достижениями, особенно это касалось Франции и Германии. Описывая деятельность «эвтерпистов», исследователь Стефан Ньюгорд называет несколько ключевых слов: «Европа, прогресс, просвещение и космополитизм»¹⁸.

Наконец, представляется интересным отметить, что языковая ситуация нашла свое отражение и в творчестве писателей начала XX в. Общим для крупных писателей этого периода является описание важных изменений в положении финляндских шведов, мотив потерянной родины. Известный писатель Арвид Мёрне (Arvid Mörne, 1876–1946) выразил свою точку зрения в статье «Финнизация нашей шведской сельской местности» (“Förfinskningen av vår svenska landsbygd” // Finsk Tidskrift. 1900). В ней А. Мёрне говорит о наличии проблемы в области образования финляндских шведов не только в плане обладания информацией о себе и своих кор-

нях, но и в плане воспитания, сохранении чувств к своей родине. По его мнению, образованная верхушка финляндских шведов должна нести ответственность за сохранение языковой принадлежности всех членов шведоязычной среды: «Несмотря на работу по народному образованию, уровень образованности, в том числе политической, весьма низок»¹⁹.

По прошествии многих лет в подтверждение своей позиции Арвид Мёрне написал роман «Шведская земля» (“Den svenska jorden”, 1915 г.), в котором крестьянский сын, уехав в большой город и получив образование, возвращается к своим корням, в родные края, чтобы возделывать землю и, распространяя знания, противостоять разрушению шведской культуры.

Более пессимистичен в своем понимании будущего финляндских шведов и шведского языка известный поэт начала XX века Бертель Грипенберг (Bertel Gripenberg, 1878–1947). Во многих стихотворениях он сетовал на невозвратно утерянный высокий идеал величия финляндских шведов. К примеру, отрывок из его стихотворения «Шведская песнь» (“Svensk sång”):

<p>Sjung högt, vårt svenska modersmål i undergångens timma, låt höga, röda varningsbål mot nattens himmel glimma! Och hinner oss den dag en gång, som blir germanens sista, skall på vår grav vår svenska sång vår äras runor rista²⁰.</p>	<p>Громко пой, наш родной шведский язык, В час гибели, Пусть высокие красные сторожевые костры Пылают под ночными небесами! Если для нас наступит тот самый день, Последний день германцев, На нашей могиле наша шведская песнь Высечет руны о нашей чести.</p>
---	---

Наконец, в финской шведоязычной литературе начала XX в. выделяется еще одна группа писателей, взгляд которых на настоящее и будущее был весьма своеобразным. В шведоязычных источниках за ними закрепилось название “dagdrivare”. Наиболее известным представителем данной группы писателей является автор новелл Рунар Шильдт. Писателей «дагдриваре» объединял мотив беспочвенничества, потери своей родины и места в своем окружении. Герои, созданные финскими авторами, испытывают тоску по активной, деятельной жизни, но не могут найти себе достойного применения. Шведоязычная молодежь, сталкиваясь с собственной ненужностью, в общей массе выбирает путь наименьшего сопротивления: бегство от Финляндии, своих корней, от себя²¹.

Таким образом, начало XX в. стало временем сомнений и размышлений финляндских шведов о своем будущем, но при этом — периодом спада той напряженности, что была характерна для конца XIX в., когда финский язык активно утверждал свои официальные позиции. На этом история «языкового вопроса» не закончилась. 6 декабря 1917 г. состоялось провозглашение независимости Финляндии. В 1919 г. было установлено: финский и шведский — национальные языки республики, то есть законодательно закреплено официальное двуязычие Финляндии. В 1920–1930-х годах, после принятия в 1922 г. Закона о языке, началась новая волна противостояния финского и шведского языков. Волнения в обществе возникли в связи с вопросом о языке преподавания в Хельсинкском университете (1937) и быстрой колонизацией после потери Финляндией Карельского перешейка в 1940 и 1944 гг. Закон о языке 1922 г. изменялся еще несколько раз, пока не был окончательно отменен в связи с принятием нового закона, вступившего в силу 1 января 2004 г.²² После 1945 г. языковой вопрос теряет былую остроту, но и сейчас положение шведского языка в Финляндии обсуждается в обществе, например, в связи с обязательным изучением шведского в школах. При этом, как отмечает литературовед Томас Варбуртон, даже на сегодняшний день финляндские шведы сохраняют представление о себе как об интеллектуальной элите Финляндии²³.

* * *

¹ *Hällström-Rejonen Ch. af. Finlandismer och språkvård från 1800-talet till i dag: Doctoral dissertation. Helsingfors, 2012. P. 43*

² *Расула В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2006. С. 91.*

³ *Ciaravolo M. Storstaden och flanören som finlandssvenskt problem. Runar Schildt, Arvid Mörne och Erik Grotenfelt Flanörens världsbild // KVHAA Konferenser 84. Stockholm, 2014. P. 94. URL: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_Grotenfelt.pdf (дата обращения: 26.09.2017).*

⁴ *Tavaststjerna K.A. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & Co:s, 1896. P. 278.*

⁵ Подробнее об изменениях в правописании см.: *Stähle C.I. Det nordiska rättstavningsmötet 1869 och hundra års svensk rättstavning // Sprog i Norden. 1970. S. 5–36. URL: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/sin/issue/archive> (дата обращения: 26.09.2017).*

⁶ Юхан Эрик Рюдквист (Johan Erik Rydqvist, 1800–1877) — шведский языковед, библиотекарь Королевской библиотеки, член Шведской академии.

⁷ *Freudenthal A.O.* Om svensk språkkunskap. Särdeles med afseende på Finland. Helsingfors: Hufvudstadsbladets tryckeri, 1868. P. 20–21. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=wd5GAQAAMAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PA20> (дата обращения: 26.09.2017).

⁸ *Thylin-Klaus J.* Den finländska svenskan 1860–1920: Doktorsavhandling i nordisk historia. Åbo, 2012. P. 192.

⁹ *Ibid.* P. 208.

¹⁰ *Nordenstreng R.* Finländsk svenska på 1700-talet // Förhandlingar och uppsatser. 1902. № 16. P. 28. URL: <http://www.sls.fi/sites/default/files/pdf/1317.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

¹¹ *Willebrand R.F.* Våra böcker och vårt språk // Finsk Tidskrift. 1903. № 5. P. 452.

¹² *Bergroth H.* Det svenska scenspråket i Finland // Förhandlingar och uppsatser. 1917. № 30. P. 325. URL: <http://www.sls.fi/sites/default/files/pdf/1323.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

¹³ Критике подверглась работа Х. Бергрута 1915 г. «Наши провинциализмы» («Våra provinsialismer»).

¹⁴ *Thylin-Klaus J.* Op. cit. P. 151.

¹⁵ *Nygård S.* Från Euterpe till Argus. Kulturkosmopolitism i det tidiga 1900-talets Finland // Ögonen upp!: Nya Argus första sekel. Helsingfors: Garantiföreningen för Nya Argus r.f., 2011. P. 31. URL: <http://www.kolumbus.fi/nya.argus/Historik/Argus%20historik%20-%20Nygard.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

¹⁶ Till läsaren // Euterpe. 1901. № 52. P. 3. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/693075?page=1> (дата обращения: 26.09.2017).

¹⁷ *Nygård S.* Det kosmopolitiska alternativet Tidskriften Euterpe och de intellektuellas transnationella strategier // Historisk tidskrift för Finland. 2010. № 2. P. 271.

¹⁸ *Nygård S.* Op. cit. P. 30.

¹⁹ *Mörne A.* Förfinskningen af vår svenska landsbygd och folkbildningsarbetet därstädes // Finsk tidskrift. 1900. № 4 (II). P. 245. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497728?page=3> (дата обращения: 26.09.2017).

²⁰ Sveriger national-litteratur V. 30. Essayister och vetenskapsmän. Finländska författare från 1900-talets början / F. Böök. Stockholm, 1922. P. 332–333.

²¹ Подробнее см.: *Маташина И.С.* Поколение писателей «дагдриваре» и Рунар Шильдт // Ученые записки Петрозав. гос. ун-та. 2017. № 1 (162). С. 106–109.

²² *Palmgren S.* Språklagstiftning. URL: <http://uppslagsverket.fi/sv/sok/view-103684-Spraaklagstiftning> (дата обращения: 26.09.2017).

²³ *Warburton Th.* Åttio år finlandssvensk litteratur. Jakobstad: Jakobstads Tryckeri och Tidnings AB, 1984. P. 14.